

МАЛАЯ КНИГА С ИСТОРИЕЙ

Михаил Гершензон

РОБИН ГУД

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСКИЙ ДОМ
МЕЩЕРЯКОВА
2020

ГЛАВА ПЕРВАЯ. О трёх святых отцах и милосердии Божиим	9
ГЛАВА ВТОРАЯ, в которой рассказывается о четвёртом святом отце	18
ГЛАВА ТРЕТЬЯ, в которой рассказывается о весёлой встрече старых друзей	29
ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ. О том, как Маленький Джон нанялся к шерифу в слуги	41
ГЛАВА ПЯТАЯ. О добрых виллах Сайлса и Вордена	54
ГЛАВА ШЕСТАЯ. О шумном обеде в доме шерифа ноттингемского	62
ГЛАВА СЕДЬМАЯ, в которой рассказывается о страданиях отца Тука	68
ГЛАВА ВОСЬМАЯ, в которой отец Тук попадает из огня да в полымя	74
ГЛАВА ДЕВЯТАЯ. О встрече Робин Гуда с сэром Ричардом Ли	83
ГЛАВА ДЕСЯТАЯ. О том, как сэр Ричард Ли возвратил долг аббату	95
ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ. О том, как служил Рейнольд Гринлиф шерифу	104

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ. О том, как Мук, сын мельника, учил уму-разуму добрых вилланов	118
ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ. О том, как Робин Гуд принимал знатных гостей в Бернисдэльской пещере	125
ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ, в которой рассказывается о чудотворных мощах святого Гуга и ещё кое о чём	136
ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ. О том, как шериф ноттингемский подарил Робину серебряную стрелу	142
ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ. О том, как Робин спас трёх сыновей вдовы	152
ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ. О том, как Робин Гуд нанялся в корабельщики	162
ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ. О битве Робина с Гаем Гисборном	172
ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ. О том, как стрелки выручили Вилля Статли, и о смерти благородного лорда шерифа	184
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	193

ГЛАВА ПЕРВАЯ

О трёх святых отцах и милосердии Божиим

Двенадцать месяцев в году,
Двенадцать, так и знай!
Но веселее всех в году
Весёлый месяц май.

Двенадцать, но самый весёлый – май! Зелёным шумом полны леса, но самый зелёный лес в Шотландии – Шервудский лес. Дождь обрызгал листву дубов, солнце торопится высушить землю, а в сырой прохладе лопаются за жёлудем жёлудь, гонят кверху ростки остролист и чертополох, пробивая зелёными стрелами рыхлую прошлогоднюю прель.

По узкой лесной тропе, то и дело пригибая головы и стряхивая с ветвей дождь радужных капель, ехали два всадника. Копыта лошадей глубоко уходили в разбухшие листья, мох и молодую траву.

Птицы звонко пересвистывались над головами путников, словно потешались над неуклюжей посадкой толстенького, который трусил впереди. Он болтался в седле из стороны в сторону, так что распятие подпрыгивало у него на груди. Капюшон его плаща сполз на затылок, открыв дождевым каплям

ветвь дуба. Свой лук и колчан он поднял над головой, чтобы не измочить их в воде. Дубинкой он помахивал в воздухе перед самым носом смиренного отшельника.

А тот, покорно склонив голову, шагал по воде. Полная вода ещё не сошла, и ручей был довольно широк и быстр, пенная струя разбилась о грузное тело монаха. Сперва вода доходила ему до колен, потом поднялась по пояс, по грудь.

– Но-но, осторожней, святой отец! Мне неохота купаться! – покрякивал на монаха ездок. – Небось вода холодна? А право, смирение – великая добродетель!

Между тем отшельник приближался к берегу. Человек, испытывавший его смирение, приготовился было спрыгнуть на землю. Но вдруг он почувствовал, что широкая рука святого отца стиснула его руку повыше локтя. Словно пёрышко монах снял его со своей шеи и опустил на берег.

– Брат мой, – сказал монах, подмигивая своему седоку, – смирение – великая добродетель. Не откажи, будь добр, перевези меня на тот берег.

– Ого! – рассмеялся лесной бродяга. – Ты, я вижу, тоже любишь хорошую шутку! Ну что ж, долг платежом красен. Держи повыше мой лук и стрелы, чтобы они не намокли.

– Ладно-ладно, уж я посмотрю. И дубинку мне дай заодно. Я, конечно, тяжеловат, но ты, видать, парень крепкий.

Человек в малиновой куртке присел немного, когда на него навалилась гора, одетая в мокрый суконный плащ. Он не прочь был бы скинуть в воду своего седока, да больно крепко стиснул коленками его шею святой отец. Отшельник весело помахивал в воздухе

ПАРНЮ ПОКАЗАЛОСЬ, БУДТО ОН УСЕЛСЯ
ВЕРХОМ НА УЗЛОВАТУЮ ВЕТВЬ ДУБА

– Охотно верю. Небось ты привык у него поститься и до Михайлова дня и после.

Стрелки лежали на самом припёке у ручья, неподалёку от той лужайки, по которой недавно кружились Робин и отец Тук, стараясь пересчитать друг у друга кости своими дубинками. Тёмными заплатами по молодой траве разбросаны были зелёные плащи лесных молодцов.

Кое-где ещё курились костры и потрескивало на угольях недоеденное мясо. Многие спали, осоловев от вина и сочной оленины.

Из избушки отшельника донеслись весёлые звуки лютни. К тонкому звону струн присоединился густой голос отца Тука:

Если ты купишь мясо –
С мясом ты купишь кости.
Если ты купишь землю –
Купишь с землёй и камни.
Если ты купишь яйца –
Купишь с яйцом скорлупку.
Если ты купишь добрый эль –
Купишь ты только добрый эль!

– Пойдём-ка послушаем, как поёт святой отец, – предложил Клем. – Сдаётся мне, что он ладит с лютней не хуже, чем с дубиной и чаркой.

Псы, лежавшие на дороге, не шелохнулись при приближении стрелков. Перешагнув через псов, стрелки вошли в обитель отшельника.

Посреди грубого дубового стола стоял пузатый бо-
чонок, окружённый недопитыми ковшами из воловьего рога. Почерневший деревянный Христос терпеливо смотрел со своего креста на отца Тука, перебиравшего струны лютни.

Монах

Тук

поёт

НР

ступили на гладкие плиты дороги, проложенной римлянами восемь столетий назад.

Отсюда, с пригорка, далеко видна была окрестность.

Солнце прорвало тучи, и каменная лента, сбегавшая к западу, ярко блестела под косыми лучами, а на востоке, над лесом, широкой дугой, едва не кольцом, встала сверкающая радуга.

Скателок, прикрыв ладонью глаза, внимательно всматривался в даль.

– Смотри! – воскликнул отец Тук. – Кто-то едет сюда из Понтефракта. Клянусь святым Патриком, не дальше как через час мы вознаградим себя за долгий пост!

Когда всадник выбрался на освещённую закатным солнцем дорогу, зоркие глаза стрелков разглядели, какого гостя шлёт судьба.

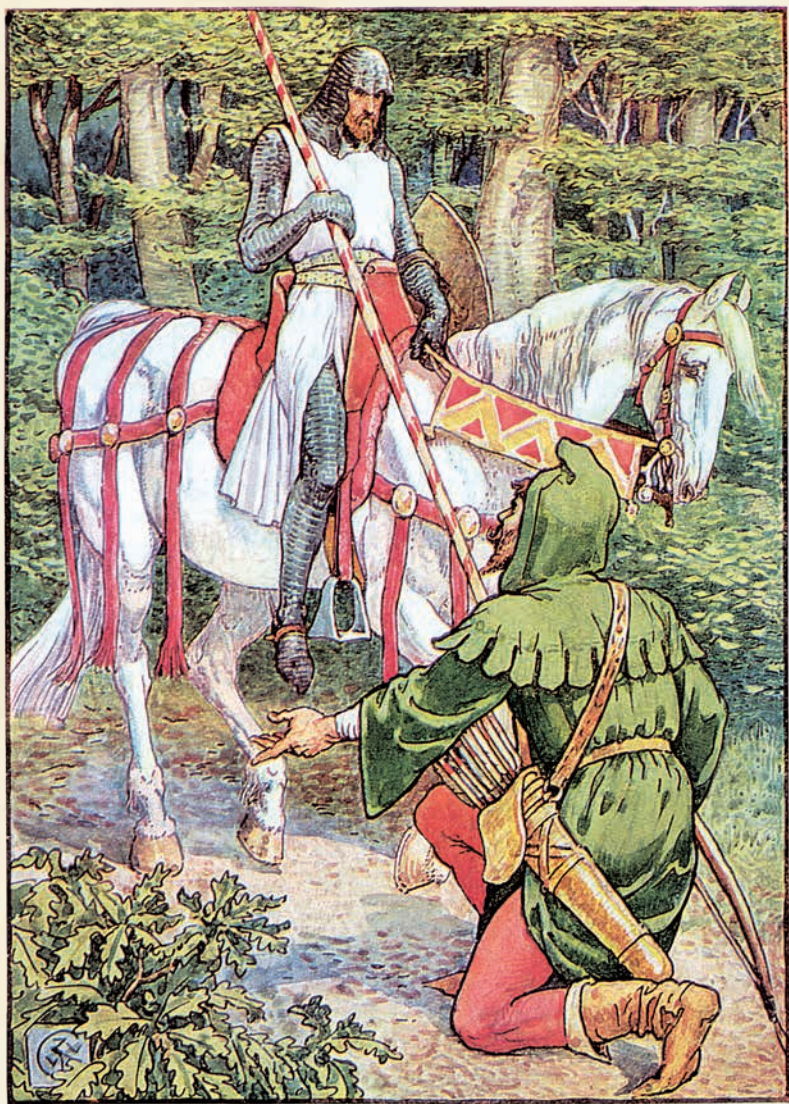
Рыцарь, одетый в чёрную кольчугу, понуро покачивался в седле. В правой руке он держал копьё, у левого локтя болтался маленький щит.

– Вряд ли он сдастся без боя, – промолвил отец Тук, доставая из колчана боевую стрелу. – Приготовься, приятель, как бы нам не упустить долговязого. С этими рыцарями вечные хлопоты; чуть что, они хватаются за меч, не то что наш брат, монах.

Скателок с уважением взглянул на опытного стрелка и тоже приготовился к драке. А всадник, погружённый в глубокое раздумье, а может быть задремав, доверился своему коню и ехал, не глядя на дорогу.

– Привет вам, сэры рыцарь! – громко окликнул его отец Тук. – Мой господин просит вас свернуть с пути и разделить с ним его скромный обед.

Всадник придержал коня и с удивлением вскинул глаза на фриара Тука и Скателока.

РЫЦАРЬ, ОДЕТЫЙ В ЧЁРНУЮ КОЛЬЦУГУ,
ПОНУРО ПОКАЧИВАЛСЯ В СЕДЛЕ

– Хорош слуга, который, высадив двери, жрёт в кладовой хозяйское добро!

И снова загудели горшки и кувшины, и снова тяжёлый кулак опустился на шею Рейнольда Гринлифа.

– Уважаю хороший кулак! – повторил Рейнольд Гринлиф. – А ну-ка, двинь, дружище, по третьему разу!

– Получай и по третьему! – промолвил повар и дал стрелку такого тумака, что окорок вылетел у него из рук и шлёпнулся на пол.

– Да твой кулак не хуже моего, как я погляжу! – рассмеялся Рейнольд Гринлиф. – Клянусь святым Вульфстаном, который всадил свой посох в каменный пол, я не покину этого дома, пока мы не померимся с тобой силой, медведь!

– Это я всегда с удовольствием, – ответил повар. – Да только боюсь, что, пока ты служил шерифу, ты и меч разучился держать в руках.

– Посмотрим, посмотрим. Бери поскорей свой меч, выходи во двор на просторное место.

Так сказал повару Рейнольд Гринлиф и отправился во двор дожидаться противника.

Тот не заставил себя долго ждать.

– Знавал я, – сказал Рейнольд Гринлиф, отбивая первый удар повара, – знавал я одного парня, – тут он высек сноп искр из его меча, – который так знатно точил мечи, – тут он отпрыгнул в сторону, увёртываясь от удара, – что бросишь пушинку, – получай, приятель! – она упадёт на остриё, и...

Но Рейнольд Гринлиф не закончил своего рассказа, потому что повар оказался хорошим бойцом и тут было не до разговоров. И сила у обоих оказалась равна, и глаз одинаково верен.

Рейнольд высек сноп искр
из своего меча

Монах откинул голову назад, как делают утки, когда пьют.

– О каком долге ты говоришь, мой сын?

Робин Гуд переглянулся со своими стрелками; весёлые искорки бегали у него в глазах, когда он снова обернулся к монахам.

– Однажды был такой случай, что Дева Мария поручилась своим словом за рыцаря, которому я отсчитал четырёста марок.

– Вы слышали что-нибудь об этом, приор? Я ничего не знаю об этом долге.

– Полно шутить, монах! – воскликнул Робин. – Кто поверит тебе, чтобы Святая Дева забывала свои обещания? Ты – эконом аббатства Святой Марии, кому же знать, как не тебе? Она, конечно, прислала с тобой червонцы, потому что сегодня срок.

Эконом даже взвизгнул, во все стороны тыча своим утиным клювом, точь-в-точь как утка, когда подавится коркой.

– Но я клянусь, – прошипел он, – что у нас нет ни фартинга!

– И перемётные суммы пусты?

Глаза монаха на миг закрылись веками, по его сухому горлу пробежал бугорок, будто он проглотил наконец свою корку.

– Там есть только двадцать марок, которые мы собрали в Вотерсе с наших вилланов. Клянусь, у нас больше нет ничего!

– Клянусь и я! – сказал Робин. – Если так бедна Дева Мария, я ни фартинга не возьму из этих денег и даже прибавлю к её добру! Но, если там найдётся больше двадцати, это значит, что Пречистая Дева прислала

МОНАХ ПРОСИТ РОБИНА О ПОЩАДЕ

свой долг. Пойди сосчитай, Скарлет! Я знаю, что ты не собьёшься в счёте.

Скарлет выскочил из пещеры, как заяц, ловким прыжком и раскинул свой плащ на траве. Он отвязал кошель, притороченные к сёдлам монахов, и вытряс из них на сукно холмик золота и горсть серебра.

Он долго считал монеты, потом вернулся к столу.

– Восемь сотен марок прислала непорочная Дева! Я не считал серебра.

– Видишь, монах! Недаром я сказал тому рыцарю: пройди всю Англию от моря до моря, ты не найдёшь поручителя надёжнее. Если снова святой Марии случится нужда, я всегда приду ей на помощь.

Голова эконома вытянулась ещё больше, а нос опять принялся клевать воздух. Рот его открывался и закрывался, и все стрелки с любопытством ожидали, какие вылетят из этого рта слова.

Но в это время у входа в пещеру раздался громкий, весёлый голос Маленького Джона:

– Вот, лорд шериф, в этой пещере скрылся от меня зелёный олень с золотыми рогами. Он ослепил меня – я не посмел пустить в него стрелу.

Всадник и пеший остановились на пороге. И всадник крикнул, рванув удила:

– Проклятье! Ты обманул меня, Рейнольд Гринлиф!

Искры брызнули из-под копыт жеребца, но Маленький Джон успел схватить его под уздцы с одной стороны, Робин Гуд – с другой.

– Прости, лорд шериф, – сказал Робин, – почему ты зовёшь моего стрелка Рейнольдом Гринлифом? Он всегда назывался у нас Маленьким Джоном. Помогите, Маленький Джон, благородному лорду сойти с коня.